

Отзыв

официального оппонента о диссертации Фэн Мина «Синтез художественного и документального в прозе XX века о спорте и спортсменах (Л.А. Кассиль, Б.А. Порфирьев)» на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература

Значение любой диссертационной работы определяется прежде всего тем, насколько удачно увязана в ней поставленная конкретная проблема, характеризующаяся, условно говоря, монотематичностью, и проблемы общетеоретического характера, представляющие интерес для самого широкого круга исследователей.

Диссертационная работа, автором которой является Фэн Мин, в полной мере удовлетворяет указанному требованию. С одной стороны, она эксплицирует те механизмы, которые осуществляют синтез документального и художественного в прозаических произведениях спортивной тематики, а с другой, пусть и попутно, – дает весьма ценные варианты осмысления самых разных аспектов науки о литературе: специфики жанра очерка, дифференциации беллетристики и «высокой» художественной словесности, пространственно-временной организации прозаического произведения, закономерностей генерирования «городского текста» и т.д.

Стоит отметить, что успехи, достигнутые Фэн Мином в рамках диссертационного исследования, во многом стали возможными благодаря хорошо продуманной стратегии научного поиска, проявившейся, помимо прочего, в таком логическом членении работы, которое обеспечивает ей должный эвристический потенциал. В композиционном плане это выразилось в подчинении архитектоники диссертации диалектике общего и частного, рода и вида. Так, демаркация границ художественного и документального осуществляется автором диссертации не через дифференциацию двух этих,

казалось бы, полностью противоположных начал, а через поиск принципа их взаимопроникновения, что превращает художественное и документальное не в двух непримиримых антагонистов, а в две стороны, если говорить образно, одной медали (методологической параллелью к подобному подходу может быть призыв Бориса Эйхенбаума рассматривать, допустим, романтизм и реализм не как элементы жестко заданной дихотомии, а как соотносительные полюсы искусства, каждый из которых существует и получает настоящий смысл только на фоне другого).

Анализ тех произведений Льва Кассиля, которые могут считаться метонимическим воплощением советской спортивной прозы в целом, сопровождается в диссертации Фэн Мина проницательным разбором спортивных рассказов, повестей и романов кировского (вятского) писателя Бориса Порфирьева. Это последовательное движение исследовательской мысли от изучения универсальных – парадигмообразующих – моделей интересующих явлений к постижению их локальных вариантов позволяет увидеть, как в советской спортивной прозе соотносятся образец и его воспроизведение, автоматизация кем-то изначально созданного и расшатывание предписанной традицией нормы.

Также весьма примечательно, что творчество Бориса Порфирьева, являющееся по меньшей мере небезынтересным и, бесспорно, заслуживающим внимания, становится для Фэн Мина не просто объектом замкнутого самоценного исследования, а множеством любопытнейших фактов, пересекающимся с другими филологическими «множествами»: вятским фольклором, вятским городским текстом, вятским литературным краеведением. Даже если бы Борис Порфирьев был бы проходным писателем второго ряда, провинциальным изводом столичных литературных явлений (а это, подчеркнем, далеко не так), изучение его наследия все равно имело бы несомненное значение, поскольку, во-первых, история литературы не сводится, как известно,

к реестру достижений литературных «генералов», а во-вторых, как справедливо заметил еще Сент-Бев, изучение наследников и учеников какого-нибудь таланта, пустившего в широкое обращение ряд связанных между собой приемов и тем, является полноправным средством за самим этим исходным или первичным талантом.

Наконец, говоря об упомянутой нами диалектике общего и частного, генерализованного и факультативного, нельзя пройти и мимо того обстоятельства, что доминантой всей спортивной советской прозы, как убедительно демонстрирует в своей работе Фэн Мин, была установка не на воспроизведение «технических» и профессиональных сторон соответствующих форм человеческой деятельности (хотя, разумеется им уделялось внимание), а на создание человека нового типа, своего рода социальную «инженерию», переведенную на язык художественного повествования.

Кроме этих достоинств чисто методологического характера, диссертационная работа Фэн Мина содержит большое количество важных наблюдений частного свойства, имеющих самостоятельную ценность и способных, в случае необходимости, выступить в роли отдельных автономных «эпюдов». К числу таких открытий следует отнести, например, установление наличия интертекстуальных отношений между романом «Вратарь республики» Льва Кассиля и его же рассказом «Состоится при всякой погоде» (жизнь героя данного рассказа, Андрея Самошина, представляет собой, по наблюдению Фэн Мина, «своеобразное продолжение судьбы Антона Кандидова» (с. 86)); фиксация многочисленных параллелей между тем же «Вратарем республики» и романом Юрия Олеши «Зависть»; выявление связей, существующих между романом Льва Кассиля «Чаша гладиатора» и романом Анатолия Рыбакова «Бронзовая птица»; кодификация, если так можно выразиться, «грамматики» сразу двух городских текстов – Саратова и Кирова (Вятки).

Вновь оговоримся: хотя не все из перечисленных произведений входят в золотой фонд русской литературной классики (исключением в данном случае является только «Зависть» Юрия Олеши), совершенно невозможно оспорить тот факт, что они имели большой социокультурный резонанс и на протяжении большей части двадцатого столетия не исчезали в нашей стране с горизонта массовых читательских ожиданий. Это обстоятельство позволяет отнести к ним со всей литературоведческой «серьезностью».

Характеристика достоинств каждой диссертационной работы предполагает оценку ее новизны, актуальности и самостоятельности. Выносить эти оценки применительно к исследованию, выполненному Фэн Мином, чрезвычайно легко: диссертант шел такими научными «тропами», которые до него были практически не исхожены (это обусловлено самим выбором оригинальной, неизбитой темы). А наработки немногочисленных предшественников были Фэн Мином учтены, систематизированы и переосмыслены.

Наконец, нельзя не отметить и тот хороший научный стиль, сочетающий в себе ясность, логичность и точность, которым написана диссертация Фэн Мина. Данный факт заслуживает особого внимания потому, что для Фэн Мина русский язык является не родным, а усвоенным, выученным. Вместе с тем умение лаконично и внятно формулировать свою мысль, логично строить суждения и выносить мотивированные оценки, характеризующее работу Фэн Мина, далеко не всегда, к сожалению, встречается и в литературоведческих работах отечественных исследователей.

Конечно же, как и любая диссертация, диссертация, выполненная Фэн Мином, не свободна и от недостатков. Охарактеризуем подробнее некоторые из них, двигаясь от начала рецензируемого текста к его концу.

1. Было бы целесообразно несколько сузить заявленную тему исследования.

По своему содержанию диссертация Фэн Мина является не фронтальным

изучением русскоязычной прозы XX века о спорте и спортсменах (название диссертации, несмотря на конкретизацию темы посредством упоминания двух конкретных авторов, сохраняет апелляцию к некоему всеохватному взгляду на прозу минувшего столетия), а исследованием, объектом которого выступает советская спортивная проза 1930-1970-х годов. Однако Фэн Мин почему-то иногда избегает эпитета «советский», имеющего, заметим и чисто хронологическое наполнение, называя, например, Льва Кассиля «известным российским писателем» (с. 7), с чем, разумеется, нельзя согласиться.

2. В диссертации Фэн Мина попадаются, хоть и редко, ошибочные библиографические сведения. Так, ленинградский писатель Аркадий Минчиковский фигурирует как А. Минчиковский (с. 17). Кроме того, название статьи Минчиковского, посвященной Б.А. Порфирьеву, по-разному дается в тексте примечания на с. 17 и в итоговой библиографии. К библиографическим изъянам можно отнести и отсутствие упоминаний классических работ В.Н. Топорова о «городских текстах», хотя самим понятием «городской текст» Фэн Мин оперирует неоднократно.
3. В ряде моментов точность формулировок должна быть усилена. Так, Фэн Мин утверждает, что «проза Л.А. Кассиля, Б.А. Порфирьева во многом соответствовала русской литературной традиции о спорте и спортсменах» (с. 23). Но если относительно прозы Б.А. Порфирьева действительно можно сказать, что она «соответствовала русской литературной традиции о спорте и спортсменах», то по поводу прозы Л.А. Кассиля необходимо существенное уточнение: она не просто соответствует указанной традиции, но и в значительной степени ее формирует; следование по какому-либо руслу и создание этого русла – вещи, как нетрудно догадаться, не совсем совпадающие.

4. Требуется дополнительной интерпретации такая форма сотворчества, как «литературная запись» устных воспоминаний знаменитых спортсменов. Именно «литературной записью» произнесенных вслух мемуаров является, например, разбираемая Фэн Минем книга известной бегуны на коньках Марии Исаковой «Ледяные дорожки» (1951). Совершенно очевидно, что «литературная запись» воспоминаний Марии Исаковой, выполненная Е. Шатровым и отредактированная Б.А. Порфирьевым, ставит перед исследователем не только (и даже столько) проблему соотношения документального и художественного, но также личного и коллективного, аутентичного и вымышленного, спонтанного и рассчитанного.
5. Иногда Фэн Мин игнорирует множественность художественных функций определенного литературного приема, акцентируя внимание только на какой-то одной стороне оказываемого им воздействия. Так, описание футбольного матча, данное в романе Льва Кассиля «Вратарь республики» глазами мамы Фрумы из общежития рабочих завода Гидраэр (его воспроизведение и анализ содержатся на с. 101-102 диссертации), Фэн Мин считает способом выразить негативное отношение старшего – сформировавшегося до Октябрьской революции – поколения к спортивным состязаниям. Однако эта оценочная функция, на наш взгляд, является явно вторичной по отношению к другой функции – функции создания комического эффекта с помощью остроты (несобственно-прямая речь мамы Фрумы строится так же, как известное описание оперного представления в «Войне и мире» Льва Толстого, и напоминает одновременно восприятие футбольного матча стариком Хоттабычем в знаменитой сказке Лазаря Лагина).
6. Не всегда Фэн Мин опознает те или иные отсылки, аллюзии или реминисценции, в изобилии рассыпанные по страницам произведений

анализируемых им авторов. Причем, что любопытно, достаточно сложные формы интертекстуального взаимодействия он расшифровывает вполне удачно (возьмем хотя бы эффектное, пусть и опосредованное, уподобление Антона Кандидова Святому Петру – хранителю ключей от врат рая), а там, где, казалось бы, разгадка довольно проста, он неожиданным образом останавливается в «шаге» от правильного умозаключения. Яркие примеры – портрет Антона Кандидова, стоящего в воротах и при этом невозмутимо лущающего семечки перед «дуэлью» с нападающими противника (явная отсылка к пушкинскому Сильвио из «Выстрела», который во время дуэли ест черешню, сплевывая косточки в сторону оппонента), и подвиг Артема Незабудного из романа Льва Кассиля «Чаша гладиатора», который «спасает, удерживая стену плечом, от взрыва и наводнения школу и школьников» (с. 114) (налицо переключки с последним подвигом Портоса, описанным Александром Дюма в романе «Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя»).

7. В ряде случаев диссертант не проводит четкой границы между литературоведческими категориями, обладающими несомненной самостоятельностью, как это происходит, в частности, с использованием Фэн Мином понятия «хронотоп»: когда речь в диссертации идет о «хронотопе детства» (с. 117), «хронотопе стадиона» (с. 118), «хронотопе игры» (с. 119), «хронотопе дома» (с. 124-125) и т.д., возникает ощущение, что в равной степени разговор мог бы вестись и о «мотиве детства», и о «мотиве игры», и о «топосе дома», и о «локусе стадиона».

Все эти замечания, носящие частный, а не принципиальный характер, никоим образом не снижают ценности и научного качества диссертации Фэн Мина, являясь, скорее, поводом для дискуссии.

Материалы и наблюдения, содержащиеся в диссертации, будут, вне сомнений, востребованы в вузовском преподавании, при издании и

комментировании произведений Ю.К. Олеси, Л.А. Кассиля, Б.А. Порфирьева. Актуальны они и для теоретического литературоведения, поскольку вносят весомую лепту и в осмысление проблем жанрового синтеза, и в понимание закономерностей жанровой дифференциации.

Основные результаты работы Фэн Мина репрезентативно отражены в 6 научных статьях, 3 из которых опубликованы в ведущих рецензируемых изданиях, входящих в перечень ВАК. Автореферат адекватно отражает основное содержание работы.

Таким образом, представленная диссертация является законченным, самостоятельным исследованием, обладающим научной новизной, теоретической и практической значимостью. Она соответствует пп. 9-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013г. № 842 (редакция от 28.08.2017 г., № 1024), а ее автор Фэн Мин заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Официальный оппонент – Коровашко Алексей Валерьевич, доктор филологических наук по специальности 10.01.09 – фольклористика, доцент, профессор кафедры русской литературы, заведующий кафедрой русской литературы Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», 603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23; (831) 433-82-45; welt20062@yandex.ru

27.12.2019 г.

А.В. Коровашко

